

УДК 323+316

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ: ЧЕМОДАН БЕЗ РУЧКИ ИЛИ ...?

А. Н. Демьяненко

независимый исследователь (г. Хабаровск)
ad716008@gmail.com

И. Ф. Ярулин

независимый исследователь (г. Хабаровск)
iarulin@mail.ru

Аннотация. История Дальнего Востока России, начиная с 1860-х гг., когда завершается оформление макрорегиона в его современных границах, это история региона, социальная и экономическая динамика которого находилась под влиянием геополитических факторов. Означает ли это, что ДВ на протяжении более полутора столетий был объектом целенаправленной государственной политики, как органической составляющей политики государства на Тихом океане? Ответ: скорее нет, чем да. Ретроспективный анализ государственной политики свидетельствует о том, что периоды активного продвижения в Азию (на Восток) сменялись не менее продолжительными периодами, когда геополитический вектор смещался в Европу (на Запад). Естественно, это не могло не сказаться и на смене стратегических приоритетов государственной политики в отношении Дальнего Востока России. Современный этап – «Поворот на Восток»: ожидания и результаты. Сибиризация России или Поворот на Восток 2.0. Возможные изменения в геополитическом ландшафте Северной Пацифики и их влияние на социальную и экономическую динамику Дальневосточного макрорегиона.

Ключевые слова: Северная Пацифика, Дальний Восток, региональное стратегирование, Поворот на Восток, сибиризация России.

Для цитирования: Демьяненко, А. Н., Ярулин, И. Ф. (2026). Дальний Восток России: чемодан без ручки или ...? *Respublica Literaria*. Т. 7. № 1. С. 46-57. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.46-57

RUSSIAN FAR EAST: A SUITCASE WITHOUT A HANDLE OR ...?

A. N. Demyanenko

Independent scholar (Khabarovsk)
ad716008@gmail.com

I. F. Yarulin

Independent scholar (Khabarovsk)
iarulin@mail.ru

Abstract. The history of the Russian Far East, beginning in the 1860s, when the macro-region within its modern borders was finally established, is a history of a region whose social and economic dynamics were influenced by geopolitical factors. Does this mean that for over a century and a half, the Far East was the object of targeted state policy as an integral component of state policy in the Pacific? The answer is more no than yes. A retrospective analysis of state policy indicates that periods of active advancement toward Asia (the East) were followed by equally lengthy periods when the geopolitical vector shifted toward Europe (the West). Naturally, this inevitably affected the shift

in strategic priorities of state policy toward the Russian Far East. The current stage – «The Turn to the East»: Expectations and Results. The Siberianization of Russia, or Turn to the East 2.0. Possible changes in the geopolitical landscape of the North Pacific and their impact on the social and economic dynamics of the Far Eastern macro-region.

Keywords: North Pacific, Far East, regional strategizing, Turn to the East, Siberianization of Russia.

For citation: Demyanenko, A. N., Yarulin, I. F. (2026). Russian far East: A Suitcase Without a Handle or ...? *Respublica Literaria*. Vol. 7. No. 1. Pp. 46-57. DOI: 10.47850/RL.2026.7.1.46-57

Введение

Настоящая работа – это попытка объяснить, каким образом менялось место и роль Дальнего Востока (ДВ) в пространственной организации России в контексте изменений в геополитическом ландшафте Северной Пацифики за последние 150 лет. Говоря о ДВ, мы имеем в виду не федеральный округ, а именно ДВ: достаточно целостную социально-экономическую пространственную систему, имеющую не только общий природный субстрат, но и общую историю. Таким образом, первое ограничение нашего исследования – пространственное. Второе ограничение носит содержательный характер. Оно состоит в том, что в исследовательском фокусе находятся два проекта: «Поворот на Восток» и «Поворот на Восток 2.0» («Сибиризация России»). Поэтому, насколько это в наших силах, мы пытаемся понять: почему «Поворот на Восток» завершился «недоповоротом», почему нужен «Поворот на Восток 2.0» или «Сибиризация России», каково происхождение этой концепции и каковы ее перспективы.

Материалы и методы

Анализ основан преимущественно на первоисточниках, состоящих из книг и статей, опубликованных наиболее последовательными приверженцами концепции «Сибиризации России» [Бляхер, 2025; Караганов, 2022; Караганов, 2025а, 2025б, 2025в; Караганов, Козылов, 2025; Караганов и др., 2025]. Естественно, что мы использовали и работы других исследователей (в том числе и свои: [Демьяненко, Ярулин 2025а, 2025б]), имеющие отношение к заявленной теме. Более того, оценка концепции «Сибиризации России», как и предшествующих Поворотов на Восток, предполагает обращение к результатам исследований не только современных авторов, но и давно ставших классическими в геополитике и теории международных отношений. Что же касается методологических подходов, которых мы придерживались в нашем исследовании, то, прежде всего, следует признать: поиски ответа на вопрос, вынесенный нами в заглавие, не укладываются в рамки традиционных дисциплин и предполагают формирование методологической платформы междисциплинарного синтеза. При этом авторы отдают себе отчет в том, что создание такого рода платформы – задача, решение которой не под силу авторам данной статьи и требует усилий многих специалистов из различных областей науки: от антропологии до экономики. Поэтому авторы, не претендуя на некую законченную исследовательскую научно-исследовательскую программу, попытались сформулировать некоторые общие положения – некий эскиз, имеющий по понятным причинам эклектичный характер.

По нашему мнению, своеобразным «твердым ядром» предлагаемой авторами научно-исследовательской программы может стать региональная концепция, дополненная теорией сложности и теоретическими концепциями из области геополитики и международных отношений.

Результаты и их обсуждение

Предыстория вопроса. И здесь авторы просто вынуждены выйти за установленные нами же временные рамки. Причина того проста: трудно, если вообще возможно, понять современный геополитический ландшафт, не проследив, хотя бы в самой краткой форме, историю Поворотов России на Восток, место и роль Дальнего Востока в этих поворотах.

То, что Повороты на Восток – явление в истории России – происходили многократно и задолго до наступления нынешнего тысячелетия – очевидный факт¹. Другое дело, что «Восток» со времен Петра I и по настоящее время постоянно видоизменялся и во внешней политике государства российского, и в научном дискурсе. Поэтому авторы посчитали целесообразным сделать еще одно уточнение: Восток – это ДВ, который в современных границах начал складываться после Пекинского договора 1860 г. между Российской империей и империей Цин и принял законченный вид как макрорегион после русско-японской войны².

Впрочем, и в этот относительно краткий исторический период Поворотов было несколько: о них и речь. Но первоначально все-таки следует сказать, что для российского общества присоединение Приамурского края было большой неожиданностью. В значительной мере само присоединение Приамурского края было инициировано не «центром», а состоялось оно, прежде всего, благодаря усилиям генерал-губернатора Восточной Сибири Н. Н. Муравьева³ и его соратников.

Затем последовала долгая пауза в обсуждениях о Дальнем Востоке; если о нем и не забыли, то внимание к региону со стороны «центра» было невелико. Ситуация начинает меняться лишь в конце XIX в. Если предшествующий Поворот ассоциировался с именем

¹ Пожалуй, наиболее полный обзор российских «поворотов на Восток» приведен в монографии К. Миллера [Miller, 2021].

² Н. Н. Муравьев-Амурский был не только инициатором присоединения Приамурья и Приморья к Российской империи, но и автором проекта, предполагающего выделение из состава Восточно-Сибирского генерал-губернаторства Приамурского (1861 г.) генерал-губернаторства. То есть он предполагал, что ДВ имеет большое значение для государства российского, которое только будет возрастать, а, следовательно, этот макрорегион должен иметь адекватную его роли и месту систему управления. Как известно, проект был отклонен и граф подал в отставку. Тем не менее, позже проект был реализован: в 1884 г. было организовано Приамурское генерал-губернаторство, а в 1906 г. из его состава в Иркутское генерал-губернаторство была передана Забайкальская область. Подробно вопрос о том, каким образом шла эволюция системы государственного управления в Сибири и на ДВ, освещен в: [Ремнев, 2004; Сибирь в составе Российской империи, 2007].

³ О том, каким видел будущее ДВ Муравьев-Амурский – сюжет, требующий отдельного исследования. Но трудно удержаться, чтобы не привести хотя бы пару цитат, которые дают представление о геополитических устремлениях графа: «... Сибирью владеет тот, у кого в руках левый берег и устье Амура», и «... единственной целью наших предприятий в той стороне может быть обладание рекою Амуром, какая бы ни была почва земли на левом ее берегу» [Барсуков, 1891, с. 35, 45].

Н. Н. Муравьева-Амурского, следующий – с именем С. Ю. Витте⁴, но причины в обоих случаях имели преимущественно геополитический характер. Общим для обоих поворотов было еще и то, что российское общество в обоих случаях было малоподготовленным для столь радикальной смены геополитического вектора⁵.

Но в этих Поворотах была и существенная разница: первый предполагал территориальную экспансию, второй – нет. Поэтому неудивительно, что цель первого – формирование сети казачьих поселений вдоль границы и опорных административных центров (Благовещенск, Хабаровск, Владивосток). Цель второго – до русско-японской войны – реализация стратегии мирного экономического проникновения в Маньчжурию; после войны была сделана ставка на экономическое развитие Дальнего Востока России, а не Маньчжурии (хотя и о российских интересах тоже не забывали), что предполагало формирование транспортного каркаса территории (прежде всего железнодорожных магистралей, строительство морских и речных портов и пристаней), содействие развитию не только отраслей добывающей, но и обрабатывающей промышленности [Демьяненко, 2016; Демьяненко, 2017; Демьяненко, Дятлова, 2017; Демьяненко и др., 2022].

Следующего Поворота пришлось ждать долго и опять-таки он, как и его предшественники, имел в качестве первопричины геополитические факторы. Этот Поворот, хотя его так и не называли, приходится на 1950-е гг., когда СССР пытался играть роль «старшего брата» по отношению к КНР. Как и два предшествующих, этот Поворот имел в своей основе геополитический фактор, но не меньшее значение имели и идеологические мотивы (чего не было ранее), отчасти экономические. Результаты этого Поворота также хорошо известны: пауза с движением в сторону Востока затянулась до начала 2010-х гг.

О последнем Повороте – ниже, а сейчас – промежуточные выводы относительно трех предшествующих Поворотов: во-первых, все они преследовали те или иные геополитические

⁴ По мнению современных исследователей, которое разделяют авторы данной статьи: «... С. Ю. Витте стремился обеспечить господствующие позиции России в этом регионе на бесконфликтной, “экстерриториальной” основе путем последовательного расширения сфер русско-китайского сотрудничества и придания последнему характера “особых” отношений» [Алексеев и др., 2004, с. 59-60]. При этом С. Ю. Витте, преследуя геополитические цели, тем не менее ставил внешнюю политику России на Тихом океане в зависимости от того, насколько она будет опираться на экономику страны. Но в то же время он рассматривал КВЖД и Маньчжурию как приоритет, тогда как российский ДВ должен был, по его замыслу, играть второстепенную роль. И только после русско-японской войны происходит смена приоритетов, и развитие ДВ России было поставлено во главу угла. Впрочем, и в этом случае уже П. А. Столыпин делал акцент на железнодорожное строительство – в 1910 г. начинается строительство Амурской ж. д., идущей по российской территории.

⁵ Показательно мнение С. В. Витте: «В то время, в сущности говоря, было очень мало лиц, которые знали бы вообще, что такое Китай, имели бы ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии, о соотношении всех этих стран; вообще в отношении Китая наше общество и даже высшие государственные деятели были полные невежды» [Витте, 1960, с. 44]. Здесь следует уточнить: «в то время» – это 1896 г. Впрочем, упомянутым «полным невеждам» это не мешало демонстрировать на протяжении десятилетия, предшествовавшего русско-японской войне, интерес к ДВ. Только одно свидетельство современника тех лет князя Гуго фон Радолин, посла Германии в России: «В последнее время высокопоставленные чиновники гордо и важно говорят мне о великой миссии России в Азии и о зарождении новой эры, которая сделает Россию цивилизованной страной высшего класса ... Вкратце, все, что я слышу, сливается в единый голос, который утверждает, что со временем Россия неизбежно будет господствовать в мире, начиная с Востока и Юго-Востока, которые еще не затронула раковая опухоль европейской цивилизации ...» [цит. по: Схиммельпеннинк, 2009, с. 237].

цели; во-вторых, непоследовательность в реализации целей и как следствие – что-то получилось, а что-то нет; в-третьих, несоответствие между уровнем амбиций и ресурсным обеспечением.

Поворот на Восток и Поворот 2.0. В конце 1990-х – начале 2000-х гг. в политическом классе и в академическом сообществе явно сформировался запрос на «новую концепцию внешней политики» (это время, когда пришло осознание, что РФ – это не СССР, т. е. не сверхдержава) и попытку переосмысления отечественной геополитической мысли – евразийский ренессанс: вспомнили, но не до конца поняли (или не захотели понимать труды евразийцев, включая последнего из них – Л. Н. Гумилева). Вместо этого уже после смерти Л. Н. Гумилева появилась на свет неоевразийская концепция, которая мало имела общего с идеями евразийцев, но, несомненно, послужила одним из источников «Сибиризации России». Но идеи неоевразийцев в тот момент оказались невостребованными⁶.

Одновременно в среде академических ученых в рамках работы Совета по внешней и оборонной политике был осуществлен проект, адресованный новому президенту РФ [Новое освоение Сибири ..., 2001; Стратегия для России ..., 2000]⁷. Суть этого проекта – нужно развивать Сибирь и Дальний Восток. Это была своего рода реинкарнация еще досоветского, а затем и советского проекта – Сдвиг экономики на Восток⁸. Показательно, что на рубеже веков академическому и экспертному сообществу Россия представлялась азиатско-европейской страной, а реализация стратегии нового освоения Сибири и Дальнего Востока не предполагала Поворота на Восток, а только сбалансированную геополитическую стратегию.

О Повороте на Восток, как о новой геополитической доктрине, было объявлено на саммите АТЭС во Владивостоке в 2012 г., и первоначально в эту доктрину были зашиты две цели: сбалансировать европейский и азиатский вектора российской внешней политики и создать потенциал сотрудничества Дальнего Востока с ведущими странами Восточной Азии [К Великому океану ..., 2012].

Однако достаточно быстро выяснилось, что Поворот на Восток оказался делом непростым, и его реализация наталкивается на самые разнохарактерные проблемы, в том числе и геополитического свойства, роль которых, начиная с 2014 г. и особенно после февраля 2022 г., только возрастает⁹.

⁶ Впрочем, невостребованными оказались и идеи В. Л. Цымбурского [Цымбурский, 2007], который предлагал сконцентрировать усилия на освоении Сибири и Дальнего Востока. О геополитических концепциях этого периода в России: [Dies, 2020].

⁷ Понятно, что Стратегия для России – это нечто большее, чем Новое освоение, но для нас важно то, что в обоих текстах присутствуют и Сибирь, и Дальний Восток, причем авторы одни и те же: В. Н. Лексин и А. Н. Швецов [Лексин, Швецов, 2000]. А одним из авторов геополитического раздела Стратегии является С. Караганов [Караганов и др., 2000].

⁸ Здесь уместно вспомнить работу В. И. Гриневецкого, в которой послевоенные перспективы экономики предполагали не Поворот, но Сдвиг на Восток [Гриневецкий, 1919].

⁹ В 2013 г. Б. Ло и Ф. Хилл, анализируя только что заявленный Поворот, указывали на ряд рисков, связанных с реализацией целей этого мегапроекта. В частности, они отмечали, что «страна медленно диверсифицирует отношения в Азии, и азиатские элиты – включая китайскую – не считают Россию ни азиатским, ни надежным игроком в регионе. Они считают, что Россия по-прежнему укоренена в Европе или, в лучшем случае, частично в Центральной Азии, и что ей нечего предложить на Востоке, кроме природных ресурсов и оружия» [Lo, Hill, 2013].

Неуспех Порота на Восток¹⁰ стал причиной появления «Сибиризации России» или Поворота на восток 2.0, при этом авторы этой концепции неоднократно указывали на то, что Поворот 2.0 – это нечто качественно иное, чем первый Поворот. Итак, от чего отказываются и что предлагают авторы «сибиризации»?

Итак, отказываются «сибиризаторы» от самой локации Поворота как таковой: если первоначально Дальневосточный макрорегион рассматривался как своего рода ворота в АТР, и таковые должны быть соответствующим образом обустроены, то в рамках Поворота 2.0 речь идет уже об Азиатской России, включая и Урал [Караганов, 2025б; Караганов, Козылов, 2025].

По нашему мнению, столь широкая трактовка представляется как минимум дискуссионной [Демьяненко, Ярулин, 2025а; Демьяненко, Ярулин, 2025б]; остановимся на ней подробнее. Итак, по мнению С. А. Караганова: «Коренной ошибкой было не включение в политику поворота к новым перспективным экономическим, политическим, да и культурным рынкам Востока и Юга всей Сибири, Приуралья» [Караганов, 2025б]. Здесь невольно возникает встречный вопрос: а Европейской России не следует поворачиваться к тем самым «новым перспективным экономическим, политическим, да и культурным рынкам Востока и Юга»? Есть, впрочем, еще один вопрос: неужели Урал, Сибирь, Дальний Восток «есть единый исторический и экономический регион» [Караганов, 2022, с. 23]? Увы, это не так. Азиатская Россия крайне неоднородна и по природным, и по экономическим, и по социальным условиям, что находит отражение в формировании пространственных социально-экономических систем. Да, эти системы далеко не всегда имеют однозначно принятые границы, которые к тому же динамичны и проницаемы. Но делать вид, что Азиатская Россия, к тому же с Уралом, это – монолит в природном и социально-экономическом отношении, означает, по нашему мнению, очень погрешить против фактов.

Но не это главное, главное заключается в том, что для России настало время для «возвращения домой» (интересно, а где же мы все это время были?), т. е. время осознать себя даже не просто цивилизацией, а цивилизацией цивилизаций (ни больше, ни меньше). А почему так? А потому, что «Мы – народ-богоносец» [Караганов, 2025а, с. 6].

Но далее выясняется, что есть еще и «сибиряк», который предстает как «русский пассионарий», человек действия, в котором сочетаются три важные черты: дух первопродчества, соборность и взаимопомощь, ориентация на будущее [Караганов и др., 2025]. Однако выясняется, что «для реализации такого Поворота необходимы люди – переселенцы из центральных регионов России, в первую очередь из вновь воссоединенных территорий, а также некоторых дружественных стран Азии» [Караганов и др. 2025, с. 9]. И тут неизбежно возникает вопрос: чтобы «вернуться домой», нужны не только «сибиряки», но и переселенцы (в том числе из дружественных стран Азии). А эти последние тоже обладают упомянутыми качествами «сибиряка»? Индус-сибиряк?

Впрочем, это не единственный вопрос, на который у авторов концепции «Сибиризации» нет ответа. И вновь обратимся к уже не раз упоминавшейся работе Поворот на Восток 2.0, в которой есть такой замечательный пассаж: «... Поворот на Восток 2.0 – не просто стратегический шаг, а абсолютная необходимость, логично вытекающая

¹⁰ Среди работ последних лет, анализирующих положение дел с Поворотом на Восток, отметим: [Михеева, 2025].

из глобальных перемен. Нужно восстанавливать и выращивать в себе нашу идентичность как великой державы, основные внешние корни которой – на Юге и Востоке, а значит, в Сибири» [Караганов и др., 2025, с. 10]¹¹.

Да, действительно, изменения в геополитической картине мира имеют в последнее десятилетие радикальный характер, и в этом мы согласны с С. А. Карагановым и его последователями, как и с тем, что Россия стоит перед вызовом, на который необходимо найти ответ.

Ответ (который нас не устраивает, но об этом ниже) С. А. Караганов видит в «сибиризации», которая, по его мнению, «это не только острая экономическая и геополитическая необходимость, но и мощная мировоззренческая идея “Поворота на Восток 2.0”». Она отражает глубокую духовную суть русского мира, где свобода и соборность не противопоставляются, а дополняют друг друга. И именно «сибиряк-пассионарий» может стать символом и двигателем этого нового этапа развития России. А сибиризация будет распространять этот дух на всех россиян, вести их вперед» [Караганов и др., 2025, с. 13]. Более того, по мнению «сибиризаторов», Сибирь должна стать «“вторым сердцем” России – научным, культурным и индустриальным гигантом со своими приоритетами и особой ролью в экономике, науке, культуре всей Большой Евразии» [Караганов и др., 2025, с. 35].

Итак, «Сибиризация» России – или иначе Поворот на Восток 2.0 – «комплексная стратегия обновления страны через сдвиг центра духовного, человеческого и экономического развития на Восток. Конечная цель сибиризации заключается в том, что она откроет новые горизонты, расширив российскую созидательную роль в стремительно меняющемся мире» [Караганов, Козылов, 2025, с. 222]. Дело за малым: сколько на эту “комплексную стратегию” потребуется ресурсов и времени.

Заключение

В настоящее время сложилась достаточно парадоксальная ситуация: с одной стороны, РФ, особенно в последние годы, демонстрирует усилия играть все более активную роль в Северной Пацифике, осуществляя Поворот на Восток и декларируя «сибиризацию России», как Поворот 2.0. С другой стороны, этот регион (за исключением Китая) по-прежнему представляет собой нечто вроде тихой заводи российской внешней политики. Не будем даже пытаться выявить все возможные факторы, обусловившие такое положение дел, а просто обратим внимание на два, как нам представляется, крайне важных. Первый фактор – расстояние, этот фактор нам не изменить, но иметь в виду следует, всякий раз планируя те или иные действия и в Северной Пацифике, и в том числе на Дальнем Востоке. Другой фактор – незнание или точнее недостаточное знание о внутренней и внешней политике КНР, Японии, КНДР, РК, истории и культуре этих стран, экономике, социальной жизни и т. д.¹². Судя по всему, действие этих факторов сказалось и на концепции «Сибиризации России».

¹¹ Все повторяется: см. приведенный выше фрагмент из донесения посла Германии в России из 1890-х гг. Г. фон Радолина.

¹² Анализ проблем безопасности в США, данный Б. Ло, по мнению авторов не потерял своей актуальности [Lo, 2000].

Анализ геополитической концепции «Сибиризации России» свидетельствует, по мнению авторов, о том, что Россия стоит перед выбором: или снова и снова поворачиваться к Востоку (что сопряжено, помимо всего прочего, с ростом конфликтного потенциала с «коллективным Западом»), или же выбрать путь многовекторной политики и предполагает выстраивать отношения как минимум по нескольким направлениям.

«Сибиризация России» – звучный лозунг, и он может даже греть душу сибиряков, но, как и Поворот на Восток, он, скорее всего, отражает желание, присущее части российского политикума и академического сообщества, найти место для России в той картине мира, которая складывается на наших глазах, но не более того. Исходный посыл: Запад нас не любит, а мы народ-богоносец, поэтому пойдём на Восток. Но возможен и другой посыл: не надо нам любви ни Запада, ни Востока, нам следует продвигать и защищать свои собственные интересы, и эти интересы следует продвигать не по одному вектору, а сразу по нескольким. При этом всякий раз, ставя по главу угла не силовое решение возникающих при этом конфликтов (а они неизбежны), а поиск совместных решений. И в этой связи резко возрастает роль таких макрорегионов, как Дальний Восток и Сибирь, Урал и Поволжье, Северо-Запад и Центр. Именно макрорегионов, т.е. пространственных социально-экономических систем.

Список литературы / References

Алексеев, В. В., Алексеева, Е. В., Зубков, К. И., Побережников, И. В. (2004). *Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике XVI–XX века*. М.: Наука. 600 с.

Alekseev, V. V., Alekseeva, E. V., Zubkov, K. I., Poberezhnikov, I. V. (2004). *Asian Russia in Geopolitical and Civilizational Dynamics XVI–XX Centuries*. Moscow. 600 p. (In Russ.)

Барсуков, И. (1891). *Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский по его письмам, официальным документам, рассказам современников и печатным источникам*. М.: Синодальная типография. Кн. 2. 322 с.

Barsukov, I. (1891). *Count Nikolai Nikolaevich Muravyov-Amursky Based on his Letters, Official Documents, Stories of Contemporaries and Printed Sources*. Book 2. Moscow. 322 p. (In Russ.)

Бляхер, Л. Е. (2025). *Роль Сибири в создании России: культурные и исторические аспекты. Проект «Сибиризация России: Поворот на Восток 2.0». Доклад Тобольского клуба № 2*. М. 60 с.

Blakher, L. E. (2025). *The Role of Siberia in the Creation of Russia: Cultural and Historical Aspects. Project “Siberization of Russia: Turn to the East 2.0”. Tobolsk Club Report No. 2*. Moscow. 60 p. (In Russ.)

Витте, С. Ю. (1960). *Воспоминания*. Т. 2. М.: Соцэкономиздат. 640 с.

Witte S. Yu. (1960). *Memories*. Vol. 2. Moscow. 640 p. (In Russ.)

Гриневецкий, В. И. (1919). *Послевоенные перспективы русской промышленности*. М. 210 с.

Grinevetsky, V. I. (1919). *Post-War Prospects of Russian Industry*. Moscow. 210 p. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н. (2016). О стратегических инициативах по развитию Дальнего Востока России в контексте исторического опыта. *Регионалистика*. Т. 3. № 3. С. 6-13.

Demyanenko, A. N. (2016). On Strategic Initiatives for the Development of the Russian Far East in the Context of Historical Experience. *Regionalistics*. Vol. 3. No. 3. Pp. 6-13. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н. (2017). Российский Дальний Восток: становление экономического макрорегиона. *Регионалистика*. Т. 4. № 5. С. 5-19.

Demyanenko, A. N. (2017). Russian Far East: Formation of an Economic Macroregion. *Regionalistics*. Vol. 4. No. 5. Pp. 5-19. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н., Дятлова, Л. А. (2017). Современные стратегические инициативы и уроки истории в освоении Дальнего Востока. *ЭКО*. № 4 (514). С. 45-60.

Demyanenko, A. N., Dyatlova, L. A. (2017). Modern Strategic Initiatives and Lessons of History in the Development of the Far East. *ECO*. No. 4 (514). Pp. 45-60. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н., Ярулин, И. Ф. (2025а). Геополитические факторы устойчивого развития Дальневосточного макрорегиона. *Геосистемы Северо-Восточной Азии: природные, социальные и хозяйственные системы*. Владивосток. С 13-20.

Demyanenko, A. N., Yarulin, I. F. (2025a). Geopolitical Factors of Sustainable Development of the Far Eastern Macroregion. *Geosystems of North-East Asia: Natural, Social and Economic Systems*. Vladivostok. Pp. 13-20. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н., Ярулин, И. Ф. (2025б). О «сибиризации» России. *Связь времен – региональная наука и индустриальное освоение Восточной Сибири*. Иркутск: Изд-во Института географии им. В. Б. Сочавы СО РАН. С. 26-30.

Demyanenko, A. N., Yarulin, I. F. (2025b). On the “Siberianization” of Russia. *The Connection of Times – Regional Science and Industrial Development of Eastern Siberia*. Irkutsk. Pp. 26-30. (In Russ.)

Демьяненко, А. Н., Ярулин, И. Ф., Бурик, М. В., Клиценко, М. В. (2022). *Российско-китайское сотрудничество в новых реалиях: региональное измерение*. Препринт научного доклада. М.: ИКиСА РАН. 70 с.

Demyanenko, A. N., Yarulin, I. F., Burik, M. V., Klitsenko, M. V. (2022). *Russian-Chinese Cooperation in new Realities: Regional Dimension*. Preprint of the Scientific Report. Moscow. 70 p. (In Russ.)

К Великому океану, или новая глобализация России. (2012). М. 72 с.

Towards the Great Ocean, or the New Globalization of Russia. (2012). Moscow. 72 p. (In Russ.)

Караганов, С. А. (2022). Сибирь – исток и будущее нашего величия как державы. *Вопросы географии. Сб. 154. Преодоление «континентального проклятия»: будущее Сибири.* М.: Медиа-ПРЕСС. С. 17-27.

Karaganov, S. A. (2022). Siberia – the Source and Future of our Greatness as a Power. *Questions of Geography. Collection 154. Overcoming the “Continental Curse”: the Future of Siberia.* Moscow. Pp. 17-27. (In Russ.)

Караганов, С. А. (2025а). *Живая идея-мечта России, Кодекс россиянина в XXI веке.* М. 45 с.

Karaganov, S. A. (2025a). *The Living Idea-Dream of Russia, the Code of a Russian in the 21st Century.* Moscow. 45 p. (In Russ.)

Караганов, С. А. (2025б). Восточный Поворот 2.0. *Россия и АТР.* № 2. С. 148-161.

Karaganov, S. A. (2025b). Eastern Turn 2.0. *Russia and the Pacific.* No. 2. Pp. 148-161. (In Russ.)

Караганов, С. А. (2025в). Европа: недоброе расставание. *Россия в глобальной политике.* Т. 23. № 5. С. 94-109.

Karaganov, S. A. (2025c). Europe: An Unkind Parting. *Russia in Global Affairs.* Vol. 23. No. 5. Pp. 94-109. (In Russ.)

Караганов, С. А., Макаров, И. А. (2015). Поворот на Восток: итоги и задачи. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement.* № 8. С. 6-10.

Karaganov, S. A., Makarov, I. A. (2015). Turn to the East: Results and Tasks. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. Supplement.* No. 8 Pp. 6-10. (In Russ.)

Караганов, С., Аверчев, В., Адамишин, А., Белкин, А., Пушков, А. (2000). Российская внешняя политика перед вызовами XXI века. *Стратегия для России: повестка дня для президента-2000.* М.: Вагриус. С. 57-104.

Karaganov, S., Averchev, V., Adamishin, A., Belkin, A., Pushkov, A. (2000). Russian Foreign Policy Facing the Challenges of the 21st Century. *Strategy for Russia: Agenda for the President-2000.* Moscow. Pp. 57-104. (In Russ.)

Караганов, С. А., Вукович, Н. А., Козылов, И. С., Коломина, А. М., Любичская, В. А., Олейников, И. В., Пыжев, А. И., Свистула, И. А., Фартышев, А. Н. (2025). *Поворот на Восток 2.0, или Сибиризация России.* М. 52 с.

Karaganov, S. A., Vukovich, N. A., Kozylov, I. S., Kolomina, A. M., Lyubitskaya, V. A., Oleinikov, I. V., Pyzhev, A. I., Svistula, I. A., Fartyshev, A. N. (2025). *Turn to the East 2.0, or Siberization of Russia.* Moscow. 52 p. (In Russ.)

Караганов, С. А., Козылов, И. С. (2025). Восточный поворот 2.0, или «Сибиризация» России. *Россия в глобальной политике.* Т. 23. № 1. С. 221-229.

Karaganov, S. A., Kozylov, I. S. (2025). Eastern Turn 2.0, or “Siberianization” of Russia. *Russia in Global Affairs*. Vol. 23. No. 1. Pp. 221-229. (In Russ.)

Лексин, В., Швецов, А. (2000). Сибирь и Дальний Восток в социально-экономическом и политическом пространстве России. *Стратегия для России: повестка дня для президента-2000*. М.: Вагриус. С. 263-302.

Leksin, V., Shvetsov, A. (2000). Siberia and the Far East in the Socio-Economic and Political Space of Russia. *Strategy for Russia: Agenda for the President-2000*. Moscow. Pp. 263-302. (In Russ.)

Михеева, Н. Н. (2025). Дальний Восток как модель геостратегического региона в стратегии пространственного развития. *Проблемы прогнозирования*. №4. С. 58-69.

Mikheeva, N. N. (2025). The Far East as a Model of a Geostrategic Region in the Strategy of Spatial Development. *Problems of Forecasting*. No. 4. Pp. 58-69. (In Russ.)

Новое освоение Сибири и Дальнего Востока. Ч. 1. (2001). М. 73 с.

New development of Siberia and the Far East. Pt. 1. (2001). Moscow. 73 p. (In Russ.)

Ремнев, А. В. (2004). *Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX – начала XX веков*. Омск: Изд-во Омского государственного университета. 552 с

Remnev, A. V. (2004). *Russia of the Far East. Imperial Geography of Power in the 19th – Early 20th Centuries*. Omsk. 552 p. (In Russ.)

Сибирь в составе Российской империи. (2007). М.: Новое литературное обозрение. 368 с.

Siberia as part of the Russian Empire. (2007). Moscow. 368 p. (In Russ.)

Стратегия для России: повестка дня для президента-2000. (2000). М.: Вагриус. 352 с.

Strategy for Russia: Agenda for the President-2000. (2000). Moscow. 352 p. (In Russ.)

Схиммельпеннинк ван дер Ойе, Д. (2009). *Навстречу Восходящему солнцу: как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией*. М.: Новое литературное обозрение. 421 с.

Schimmelpenninck van der Oye, D. (2009). *Towards the Rising Sun: How Imperial Mythmaking Led Russia to War with Japan*. Moscow. 421 p. (In Russ.)

Цымбурский, В. Л. (2007). *Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2006*. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 190 с.

Tsybursky, V. L. (2007). *Island Russia. Geopolitical and Chronopolitical Works. 1993–2006*. Moscow. 190 p. (In Russ.)

Diez, J. (2019). Major Trends in Russian Geopolitics After 1991. *Politeja*. No. 5 (62). Pp. 141-160

Lo, B. (2020). *The Return: Russia and the Security Landscape of Northeast Asia*. Ifri. Nei. Reports. No. 29. March. 29 p.

Lo, B. and Hill, F. (2013). *Putin's Pivot: Why Russia is Looking East*. Brookings July 31.

Miller, Ch. (2021). *We Shall be Masters: Russian pivots to East Asia from Peter the Great to Putin*. Cambridge, Massachusetts. Harvard University Press. 385 p.

Сведения об авторах / Information about the authors

Демьяненко Александр Николаевич – доктор географических наук, профессор, независимый исследователь, г. Хабаровск, e-mail: ead716008@gmail.com

Ярулин Илдус Файзрахманович – доктор политических наук, профессор, независимый исследователь, г. Хабаровск, e-mail: iarulin@mail.ru

Статья поступила в редакцию: 04.01.2026

После доработки: 08.02.2026

Принята к публикации: 24.02.2026

Demyanenko Aleksandr – Doctor of Geographical Sciences, Professor, Independent scholar, Khabarovsk, e-mail: ad716008@gmail.com

Yarulin Ildus – Doctor of Political Sciences, Professor, Independent scholar, Khabarovsk, e-mail: iarulin@mail.ru

The paper was submitted: 04.01.2026

Received after reworking: 08.02.2026

Accepted for publication: 24.02.2026